

RU

Лермонтовские цитаты и аллюзии в романе Н. С. Лескова «Обойденные»

Мехтиев В. Г.

Аннотация. Цель исследования – определить художественную функцию лермонтовских цитат, аллюзий в романе Н. С. Лескова «Обойденные». В статье выявляются приемы использования лермонтовского «текста», обосновывается их смыслопорождающее место в общем контексте повествования. Научная новизна исследования заключается в самой постановке темы «Лесков и Лермонтов», которая до настоящего времени остается предметом лишь фрагментарного научного интереса. В результате доказано, что обращение Лескова – свидетеля нигилистических «уклонений» 1860-х годов – к опыту предшественника было обусловлено поиском авторитетного источника, помогающего в русле высоких традиций русской литературы изобразить своих героев и добиться трагического их величия.

EN

Lermontov's Quotations and Allusions in the Novel "Neglected People" by N. S. Leskov

Mekhtiev V. G.

Abstract. The research objective is to identify the artistic function of Lermontov's quotations and allusions in the novel "Neglected People" by N. S. Leskov. The article reveals techniques of "Lermontov's text" use, justifies their meaning-generating potential in overall context of the narration. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher considers the little studied problem "Leskov and Lermontov". The conducted research allows drawing the following conclusions: the writer's appeal to classical heritage is explained by the fact that Leskov, a witness of nihilistic trends of the 1860s, tried to stay in tune with the Russian literary tradition and portrayed tragic greatness of his personages.

Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом современных литературоведов к антинигилистической прозе Н. С. Лескова («Некуда», «На ножах», в меньшей степени – к роману «Обойденные»), что само по себе является показателем преодоления стереотипов, сложившихся еще в XIX в. и продолжавшихся на протяжении советского периода лесковедения. Назрела необходимость более серьезной интерпретации семантических пластов «Обойденных» – произведения, занимающего заметное место в ряду полемических романов писателя.

Цель исследования определила постановку и решение следующих задач: во-первых, осветить в общих чертах степень изученности романа «Обойденные»; во-вторых, показать отношение Лескова к поэзии и прозе Лермонтова как к свидетельству «вечных» тем и мотивов в истории русской литературы, к тому же проникнутых пафосом трагического; в-третьих, установить генетическую связь образов главных героев романа с лирико-философской рефлексией Лермонтова, задавшего всей последующей литературе особый масштаб требований к личности и обществу; в-четвертых, показать направленность лермонтовских цитат и аллюзий в «Обойденных» на полемику Лескова с теорией «разумного эгоизма», опирающейся на авторитет Чернышевского. В работе в основном используется метод сравнительно-типологического исследования, а также принципы мотивного анализа.

Теоретическую базу работы составили концепция диалогического, контекстного изучения произведений литературы, разработанная М. Бахтиным; труды ученых советского периода (Б. М. Эйхенбаума, В. Ю. Троицкого, Н. И. Прокофьева), исследовавших генезис творческих принципов Лескова, его сложный взгляд на общественно-политическую жизнь 60-х годов XIX века.

Практическая значимость исследования заключается в том, что используемый в статье метод, принципы анализа могут быть применены при изучении других произведений Лескова, тогда как материалы статьи и сделанные выводы – в вузовских курсах истории и теории литературы.

**«Обойденные» в исследованиях:
Лермонтов в оценке Лескова и лермонтовский «текст» в художественном мире романа**

Еще в 1960-е годы отмеченное Б. М. Эйхенбаумом «исключительное языковое мастерство» [18, с. 293] Лескова – аспект, который до настоящего времени преобладает в работах о классике. Достижения лингвистики позволяют выйти за границы собственно узких ее проблем, исследовать тексты писателя в сопряжении с его художественной аксиологией. У писателя слово – «активный и равнодушный спутник человека»; ему присуще сознание «необезличности слова» [4, с. 38, 39]. Лингвистическим аспектам посвящен также труд О. А. Головачевой [2]. Но до недавнего времени считалось, что «Некуда», «Обойденные» и «На ножах» – хотя романы и известные, но их неуспех был обеспечен «несовершенством в жанровом отношении» [3, с. 13]. О романе «Обойденные» вообще редко упоминается. Заслуживают внимания две статьи – О. М. Гасниковой [1] и Т. А. Шестаковой [17]; и мимоходом брошенная, но запоминающаяся мысль Ю. Б. Орлицкого: Лесков использует в повествовании ритм, присущий силлабо-тоническому метру [11, с. 82].

Немногочисленные работы о романе «Обойденные» преодолевают еще один устоявшийся «миф» – на этот раз о якобы «мелодраматичности» этого произведения и расчете автора на «бульварную публику» [13, с. 93]. Правда, позже тезис этот был сформулирован в более мягкой форме: Лесков «стремится быть занимательным, не поступаясь дорогими ему мыслями и нравственными идеалами» [14, с. 158]. Можно прийти к предварительному заключению о том, что роман «Обойденные» отнюдь не является случайным в творческой биографии Лескова. Его форма и содержание не ограничиваются только антинигилистическим пафосом. Он наделен сложной повествовательной структурой, множеством семантических уровней с использованием пушкинских мотивов, созданием особой музыкальной атмосферы и особого ритма. Лесков словно бы широко допускает в сюжетно-стилевое пространство своего романа стихии лиризма, романской и оперной музыки.

Все это указывает на то, что для Лескова литература в ее прошлом и настоящем едина. Он связан с ее традициями. Д. С. Лихачев отмечал, что в творчестве писателя «прослеживаются многообразные отношения с самыми различными историческими пластами русской словесности» [10, с. 12]. Серьезное место отводится традициям древнерусской литературы [12], а также русскому романтизму [15], но тема «Лесков и Лермонтов» мало привлекала внимание ученых, хотя «Обойденные» – наглядная иллюстрация тому, как автор преломляет образы и мотивы Лермонтова, добываясь тем самым особого драматизма в сюжете и многозначности образов. Лермонтовский «текст», явленный в романе, окрашивает повествование в романтико-элегические и трагические тона. Приемы использования цитат из Лермонтова – это включение их в монологи персонажей. Роман, овеянный грустным настроением «лермонтовского человека», позволяет автору, вступившему в полемику с нигилизмом 1860-х годов, соотносить его с вершинными темами и мотивами русской литературы. Цитаты из Лермонтова преодолевают «тенденциозность» произведения – именно в тенденциозности обвиняли Лескова его современники – и в подтексте формируют в нем трагический сюжет.

Прежде зафиксируем, что Лермонтов был любимым поэтом Лескова. Еще в раннем возрасте он познакомился с лермонтовской лирикой, проникся его возвышенно-трагическим чувством. Об этом подробно писал его сын Андрей Лесков. Высоко ценя талант Лермонтова, писатель находил в его творчестве отклик своим переживаниям и импульс для развития тем и мотивов в ряде своих произведений. В письме к сыну Лесков писал, что Лермонтов в 19 лет был полон «томящих, но единственно живых вопросов». Бесстрашие, свойственное Лермонтову, писатель находил лишь у Л. Н. Толстого, который в смелом поиске ответов на «проклятые вопросы» жизни возвысился до духовного прозрения. Слова Толстого о смерти («у нее кроткие глаза») вызвали в памяти строки стихотворения, приписываемые Лермонтову: смерть приходила «неслышимо, незримо» и говорила с «тоской невыразимой»: «Пора!» [7, с. 336, 337]. Любовь Лескова к поэту так безмерна, что спустя годы он свободно стилизует его манеру – в обычной, бытовой переписке. Например, слова из письма к Крохину (19 сентября 1889 г.) «все люди да люди, – хоть бы черти для смеха попадались» [Там же, с. 284] – являются перефразированием конца письма Лермонтова к С. А. Бахметьевой «Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смеха попадались» [6, с. 284]. А в письме к А. И. Толиверевой (28 июня 1883 г.) цитаты из Лермонтова соединены с характерным для творчества Лескова юмором: «Вероятнее всего, Вы ошибаетесь и принимаете за хандру “волнение крови молодой”, “но дни бегут и стынет кровь...”». И в самом деле: “что такое людей минутная любовь”. При хандре на даче хорошо кушать простоквашу и чернослив» [8, с. 281]. Но Лесков временами негативно отзывался о поэте, находил в его характере «много противного и гадкого», полагал, что противоречия личности Лермонтова были следствием «пороков своего века» [7, с. 254-255]. В пору создания романа «Обойденные» Лесков задумывался над природой лермонтовской гордыни, иногда с недоумением смотрел на решительное неприятие его героями действительности.

При чтении романа «Обойденные» трудно не заметить его насыщенность лермонтовским «текстом». Во многом опираясь на лермонтовские традиции, писатель освещал жите и бытие своих героев. Автор подчеркивает внутреннюю связь своих персонажей с настроениями, выраженными в поэзии Лермонтова. Это свидетельствовало, помимо всего прочего, и о неизменной связи Лескова с творчеством поэта, так ярко и многозначительно отразившего многоголосие внутренней жизни человека, порой парадоксальное сочетание в нем взаимоисключающих начал.

Справедливо мнение, по которому в «Обойденных» отразились размышления Лескова, вызванные полемической реакцией его на социально-этическую концепцию романа «Что делать?». В. Ю. Троицкий указывал

на стремление писателя обнаружить «позитивные начала человеческой личности», важность для Лескова вопроса «об общечеловеческих критериях нравственности» [15, с. 21]. К этому нужно добавить, что писатель придавал особое значение духовной преемственности своих героев с героями высокой русской литературы, прежде всего, Лермонтова. Ведущие персонажи романа – Дарья, Долинский в некоторых проявлениях «страсти», по способу мировосприятия сближаются с лирическими героями поэта. Лермонтов, неразрешимые трагические чувства «лермонтовского человека» – неотъемлемая часть их самосознания. Все это поднимает роман на другой смысловый уровень. Становится ясно, что идея романа связана с раздумьями автора о внутреннем мире человека и национальном самосознании, а также с попыткой понять и воспроизвести судьбу лишнего человека. В художественном осмыслении этих проблем важную роль играет традиция творчества Лермонтова.

В первой главе романа Лесков пишет: «...как грустна и тяжела безрадостная старость, но в безрадостной молодости есть что-то ужасное, что-то проклятое» [9, с. 4]. Перед читателем невольно возникает проблематика лермонтовской «Думы». Вместе с тем писатель оговаривает, что в его романе «все будут люди очень маленькие», то есть выведенные на периферию социально-политической борьбы. Описывая, в частности, переживания и действия Долинского, автор обращает внимание на его черты лишнего человека, романтический смысл его раздвоения. Автор повествует о «болезненном разладе» героя с «самим собой», его постоянной душевной муке. Благодаря воспитанию во многих «своих сторонах вышел» Долинский «странным человеком», каковыми являются и Арбенин, Печорин, герой драмы «Странный человек». Но в то же время Долинский не имеет деловой хватки, воли к практической деятельности. Оторванный от действительности, подобно Онегину, Печорину, Бельтову, Рудину, он часто предается абстрактным размышлениям. В представлении автора «Обойденных» эта черта очень важна. С одной стороны, она возвышает героя над бытом, а с другой – делает его несчастным. Лесков показывает, что печоринские тоска по идеалу, скука, ощущение одиночества, сознание суетности окружающих, доведенные до предельного выражения, совершенно отрывают от реальности и приводят к опустошению. Долинский признается, что «все равно, как не живи, все скучно», и, как Печорин, думает, что в нем самом, может быть, «сидит какой-то червяк»; везде как будто он «не на своем месте» [Там же, с. 153]. Герой, как и лишний человек, двойственен: склонен рассматривать любовь как высшее проявление страсти; наряду с этим он ищет нечто постоянное, не зависящее от случайности и страсти. Он не смог устоять перед страстью молодой девушки Дарьи, что приводит к предательству по отношению к Анне Михайловне с ее одухотворенностью и бескорыстной любовью к нему. Долинский размышляет о том, что в этом мире вечно, а что изменчиво: «Неужто уж ни клятв, ни обещаний ненарушимых больше нет?» [Там же, с. 183].

Размышления Долинского ассоциативно связаны с «Демоном» Лермонтова. Сюжет поэмы, как известно, всецело построен на концепции возрождения, которое мыслимо только через любовь. В «клятвенном монологе» Демона («Клянусь я первым днем творенья...») заключена надежда, хотя и несбыточная, на то, чтобы открыться добру. Ведь «вновь постигнул он святыню / Любви, добра и красоты!» [5, с. 559]. Святыня любви – это то, что могло бы и в случае с Тамарой искупить ее «думы преступные», а сердцу ее быть доступным для «восторгов чистых», чего она лишилась после встречи с героем. Святыня любви – безусловное выражение романтического культа страсти, в этой своей ипостаси она несопоставима ни с чем. Любовь выше даже священных для традиционной культуры религиозных ценностей («Я клятвы юности нарушу, / Все клятвы, кроме клятв любви»), но Лермонтов проявляет художественное бесстрашие. В «умысле» Демона он создает «пороговую» ситуацию. Оппозиция: «злой дух» – «святыня мирного приюта» и тем более выбор в пользу «злого» начала – чуть ли не самые редкие, сугубо лермонтовские и загадочные в русской литературе: «Привычке сладостной послушный, / В обитель Демон прилетел. / Но долго, долго он не смел / Святыню мирного приюта / Нарушить...» [Там же, с. 568]. Но по-романтически переживаемая любовь («привычка сладостная») снимает всякие границы. Демон бродит задумчиво «у стены высокой» и – делает решительный шаг: «И входит он...».

В коллизии, случившейся с Дарьей и Долинским, героиня выступает как бы в роли демона-искусителя, а герой предстает жертвой. Но является ли «жертва» в настоящем случае «чистой»? Долинский, как и Тамара, действительно не «чистая», «невинная» жертва. Герой, нарушивший клятву любви к Анне Михайловне, наказан судьбой изгнанием, скитальчеством, так же как и Демон. Но если для героя Лермонтова изгнание – и «роковая» его судьба, и проклятие, то в случае с образом Долинского этот мотив имеет однозначный смысл: проклятие, утрата связи с почвой. Лесков далек от размышлений Лермонтова над онтологическими парадоксами бытия; он привязывает лирико-философские мотивы поэта к «бытовой» ситуации и наполняет ее нравственным содержанием. Такой прием переосмысления конфликта чисто «лермонтовского человека» оказался продуктивным.

Образы и идеи Лермонтова значительное место занимают в создании внутренних борений Дарьи Михайловны Прохоровой. Героиня пребывает в состоянии «двойного бытия». Она колоритно выразила конфликт между изменчивой страстью и одухотворенным чувством любви. Лесков использует в ее изображении мотивы поэм «Мцыри» и «Демон». Это заметно в описании предсмертных мук героини.

Дарья безнадежно больна, но она полна желания жить, любить, страдать, бороться. В этом состоянии борьбы неиспытанных сил с мыслями о небытии ей родственным по духу оказывается Лермонтов. Лесков называет произведения поэта, которые глубоко проникли в ее сознание: «Боярин Орша», «Хаджи Абрек», «Мцыри», «Демон», «Сказка для детей», «Молитва» и другие. В ее трагическом положении для нее абсолютный смысл приобретает ощущение жестокой быстротечности времени. Поэтому Дарья и устремлена к тому, чтобы все испытать, пережить. Обида на судьбу отчасти притупляет чувство нравственного долга перед любимой сестрой. Она проводит «эксперимент», опираясь на теорию «разумного эгоизма», становится между

Анной Михайловной и Долинским, считая, что отношения между людьми должны исходить из «расчета». Дарья не верит, что ее сестра, вызывающая «священный трепет» у Долинского, может составить его счастье, тем более – подтолкнуть его реализовать себя в практической деятельности. Она проявляет волю, казалось бы, из добрых побуждений вмешивается в судьбы ближних, но становится причиной несчастья.

Лермонтовские настроения героини нашли отражение в ее письме-исповеди. Дарья, исповедуясь сестре, «скромное счастье» которой она разрушила, гордо признается, что сходит в «готовую могилу без всякого ропота». Поддавшись нигилистическим настроениям, она оказалась в ситуации, которая плохо повинуется рассудку и заставляет «крепко страдать, наперекор уверенности в своей правоте». Романтический бунт, демоническая склонность к проявлению страсти, отчасти подогреваемые крайностями «теорий» нигилизма, приводят Дарью к бесплодному противостоянию традиции, высшим началам.

После того, как Дарья своей страстью увлекла Долинского, Анна Михайловна с позиции «разумного эгоизма» должна была бы найти в себе силу оправдать сестру и Долинского, «разумом» прийти к признанию того, что в сущности никакого предательства не было, ибо все произошло в силу естественных обстоятельств, которым порой нечего противопоставить. Анна Михайловна, разумеется, не осуждает ни Дарью, ни Долинского, но она бережет свое право любить его «вечной» любовью. В основе жизненных установок ее лежит самопожертвование.

Изображая Дарью, Лесков показывает, что в иерархии ценностей разрушение одного звена неминуемо приводит к разрушению остальных. Героиня, потерявшая внутреннее равновесие в постоянных спорах с нигилистами, пародийные образы которых созданы в романе, спрашивает у Долинского: «...нужно идти против всех предрассудков, против всего, что несогласно с моим разумом и с моими понятиями о жизни?». Этот вопрос интересует ее неспроста. Она пытается решить задачу души, обуянной страстью. Но, по Лескову, в том состоит сложность и непостижимость жизни и души человеческой, что может оказаться безумством то, что даже можно «по пальцам высчитать и доказать, что это разумно». Дарья размышляет: если «А любит Д и Д любит А, Б любит А, но А уже не любит Б, потому что А любит Д» [9, с. 183]. Логика подсказывает ей, что если страдают все трое, то пусть лучше будут счастливы двое. Эта индивидуалистическая позиция ставит перед героями неразрешимые вопросы, приводит их к состоянию обреченности.

Чувства Дарьи к Долинскому постепенно переходят в непокорную страсть, которая требует полного рабства с его стороны. Она признается, что «это было ужасное чувство, мучительное, страшно мучительное». Желая любви, Дарья в то же время добивается «обожания, чьего-то рабства перед собой». В этом проявляются печоринские черты ее характера; в душу героини будто бы вселилось «что-то дьявольское»; отныне она как будто во власти «сатаны, духа нечистого» [Там же, с. 242].

Любовь в душе Дарьи парадоксально сосуществует со злым желанием. Ее «любовь-злоба» берет верх «над кроткою, незлобивою любовью» сестры. Весь тон исповеди, о которой было упомянуто, находится в соответствии с душевными драмами лермонтовских героев. Героиня даже заканчивает письмо словами из стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...»: «...в мире ином друг друга уж мы не узнаем» [Там же, с. 243]. Выбор этого стихотворения значим. У Лермонтова явственно проступает мысль о безнадежности веры во всеислие любви. Трагическая вина коренится как в трудно постижимых законах мироздания, так и в человеке, с «тоской безумной» грезящем о страсти, «безумной мятежности». Возвышающая сила нежного и глубокого чувства в действительности не может найти воплощения. Лишь в фантазии (во сне) герой лелеет милый образ, в рамках же светского приличия они, «как враги, избегали признания и встречи» [5, с. 217].

Героиня Лескова прощается с жизнью в «гордом страдании». Что для лермонтовского героя, что для Дарьи смерть является некоей границей, с невероятной жестокостью отделяющей «здесь» от «там». Однако Дарья переосмыслила пафос лермонтовских раздумий. У поэта мотив неспричастности двух миров сопряжен с мыслью о пошлости окружающей реальности, искажающей человеческий облик. В холодном и пустом мире человек мельчает и становится неузнаваемым. Поэтому нет надежды, что в «мире новом» любящие друг друга узнают. Мысли же Дарьи о неосуществимости «новой встречи» связаны с ее восприятием смерти как перехода от бытия к небытию. Она отвергает вероятность Высшего Суда, сама выступает судьей и подвергает анализу «холодного рассудка» движения своей души. Недаром перед смертью она внятно произносит строки стихотворения Некрасова «Тройка»: «И схоронят в сырую могилу, / Как пройдешь ты тяжелый свой путь, / Бесплезно угасшую силу / И ничем не согретую грудь» [9, с. 106]. Этот фрагмент стихотворения Некрасова «Тройка», от которого веет холодом, как будто наблюдаешь реальную картину похорон, отдает также настроением лермонтовских героев.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Лермонтовские традиции играли немаловажную роль при создании романа «Обойденные». Присутствие лермонтовских «высказываний» в произведении, их связь с психологическим портретом героев помогает более правдивому восприятию их характеров и осознанию основных противоречий времени, отмеченных переоценкой ценностей со стороны радикально настроенной молодежи. В кризисную эпоху, живым свидетелем которой являлся Лесков, было важно показать не случайность и не социальную детерминированность (понимаемую часто вульгарно молодым поколением), а «вечность» духовных переживаний и коллизий персонажей. Тема исследования имеет несомненную перспективу для дальнейшего изучения, что потребует более внимательного прочтения текстов Лескова с учетом диалогической трактовки образов Лермонтова со стороны писателя.

Список источников

1. Гасникова О. М. Функции пушкинских цитат в речи героинь романа «Обойденные» Н. С. Лескова // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 373-378.
2. Головачева О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века): автореф. дисс. ... д. филол. н. Брянск, 2016. 54 с.
3. Долинина И. В. Н. С. Лесков 1870-х годов: тип художественного мышления и динамика жанров: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2001. 20 с.
4. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
5. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 720 с.
6. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 746 с.
7. Лесков А. Жизнь Николая Лескова: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 476 с.
8. Лесков Н. С. Из переписки / вступ. заметка и публикация О. Майоровой // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 278-282.
9. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 3. 462 с.
10. Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лесков и русская литература / отв. ред. К. Н. Ломунов, В. Ю. Троицкий. М.: Наука, 1988. С. 12-21.
11. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
12. Прокофьев Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература / отв. ред. К. Н. Ломунов, В. Ю. Троицкий. М.: Наука, 1988. С. 118-136.
13. Пульхритудова Е. М. Достоевский и Лесков (к истории творческих взаимоотношений) // Достоевский и русские писатели / сост. В. Я. Кирпотин. М.: Сов. писатель, 1971. С. 87-138.
14. Пульхритудова Е. М. Творчество Н. С. Лескова и массовая беллетристика // В мире Лескова: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1983. С. 149-185.
15. Троицкий В. Ю. С думой о России // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 3-44.
16. Троицкий В. Ю. Творчество Лескова и русский романтизм // Лесков и русская литература / отв. ред. К. Н. Ломунов, В. Ю. Троицкий. М.: Наука, 1988. С. 149-165.
17. Шестакова Т. А. Структура и функции музыкальной ситуации в литературном произведении (на материале романа «Обойденные» Н. С. Лескова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1-2. С. 131-137.
18. Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л.: Худож. лит., 1965. 507 с.

Информация об авторах | Author information

Мехтиев Вургун Георгиевич¹, д. филол. н., проф.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Mekhtiev Vurgun Georgievich¹, Dr

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ mexhtiev@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2021; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): Лесков и Лермонтов; элегические мотивы; цитата; трагическое; нигилизм; Leskov and Lermontov; elegiac motives; quotation; the tragic; nihilism.